

Vodka!

“...and take your music with you! Uh - uh – ah!...” грохот бессмертного австралийского хита разрывал полумрак большого, холодного складского куба сиднейского отдела фирмы DHL International. Заказанная в двадцать четвертый раз песня в эфире молодежной радиостанции Triple M вызывала устойчивую головную боль. Неожиданно черный резиновый конвейер застыл, гул мотора стих, и восторженный английский треп радио-диджеев стал еще громче. «Фак!» машинально выругался я и посмотрел на Скотта, смешного местного мужика в толстых очках и внешностью вечного студента, который стоял за соседним столом и лениво скидывал на черную ленту большие пластиковые конверты международных отправок со знакомым до боли бордовым логотипом. Я с тоской посмотрел на отчаянно болевшие в суставах пальцы с глубоко вьевшейся складской грязью, вытер руки о красную форменную майку и тяжело вздохнул. Часы показывали девять вечера, до конца смены было еще долго, и я решил выйти на воздух, хотя «воздух» был везде, ибо огромные провалы-выезды на склад никогда не закрывались.

Стоял июль, разгар местной зимы, на улице было тихо, промозгло холодно, плюс 8, и влажный ночной ветер забирался под легкую курточку с вышитыми буквами. Я посмотрел вверх на незнакомые звезды, отыскал Южный Крест, и в который раз задумался о своей жизни...

Грузовой самолет фирмы DHL. По материалам Интернета.

...Переходный период оказался трудным. Я прекрасно понимал, что в сорок лет начинать новую жизнь за границей может оказаться мучительно сложно, но кто из нас не надеется на лучшее! Я не стал терять времени, и в апреле 1999 года,

сразу после приезда в Сидней, пошел работать. Можно по-разному относиться к моему выбору, но я пошел логичным путем. Я отправился в компанию DHL, компанию, в которой я работал в Москве последние пять лет, и из которой я ушел за три дня до вылета в Австралию. Моя прошлая должность логистик-менеджера по России вселяла некоторую надежду, однако, реальности нового континента были жесткими. Мне хватило десяти минут, чтобы убедиться, что красивый стеклянный кантри-офис фирмы в районе сиднейского аэропорта укомплектован на десять лет вперед, а не слишком приветливый логистик-менеджер австралиец сидел на своей должности уже восемнадцать лет...

Я почти уже покинул офис фирмы, когда неожиданно в коридоре увидел знакомую фигуру – молодого финансиста, голландца, которого я знал по многочисленным поездкам на логистик форумы DHL в Брюсселе. Он радостно окликнул меня, мы разговорились, как старые приятели, случайно встретившиеся на чужой земле. Через пару минут я уже знал, что голландец развелся с женой, бросил все, и приехал на высшую финансовую должность в Сидней, чем он очень доволен. Поинтересовавшись моими делами, он только покачал головой и сказал, что найти работу на фирме в Австралии очень трудно, если только не перевестись по контракту. Однако, он пообещал что-нибудь сделать, попросил подождать и скрылся в кабинете директора австралийского отделения фирмы DHL International.

Через пять минут я был снова представлен логистик-менеджеру компании, уже как новый сотрудник, правда, как рабочий экспортного склада, на что менеджер криво улыбнулся и вяло произнес избитую в таких случаях фразу: "Welcome aboard"...

Так получилось, что блестящей карьеры в своей старой-новой фирме я так и не сделал, и гордая пролетарская должность рабочего-сортировщика стала завершающим этапом моей деятельности в DHL International Pty Ltd. Все пол-года тяжелой, физической работы на складе меня не покидало странное чувство выплаченного долга, как-будто я отработывал все то замечательное, сытое время в веселом московском офисе фирмы DHL и многочисленные оплаченные бизнес-туры в Европу. Бесспорно, что самым мучительным испытанием иммиграции оказалась моральная потеря своего уровня квалификации, когда я вынужден был работать в той же фирме, только на два непереходимых уровня ниже.

Офис и склад экспортного отдела DHL – место первой работы автора в 1999-м году. Mascot, Sydney, фото автора.

...Гортанная английская речь вывела меня из размышлений, и, обернувшись, я увидел Мэтью, противного шпанистого парня, который терпеть не мог иммигрантов. Пробурчав какую-то непередаваемую гадость в пространство, парень уселся на стопку деревянных палет и закурил. Я не стал переспрашивать, потому что в ответ услышал бы такую же гадость, и вернулся на склад, где под гулкие крики рабочих шустро бежал сортировочный конвейер. Вернувшись к своему сканеру, я посмотрел на Скотта, с которым у меня сложилось взаимное понимание, на что тот только молча помотал головой. Мы поняли друг друга без слов, ибо была пятница – день, который на складе был самым тяжелым, но с небольшим сюрпризом.

В углу склада, возле умывальников, по пятницам появлялась большая пластиковая ванна на колесах, доверху наполненная льдом. Под слоем льда доходили до приятной холодной кондиции бутылочки легкого австралийского пива, которое покупалось для рабочих на деньги компании. Сама по себе идея алкоголя во время смены поначалу удивляла меня, но все воспринимали заботу руководства нормально, и вскоре я сам ожидал возможность «нырнуть» в ванну не меньше других. Пиво по идее предназначалось уставшим курьерам, которые после 10 часов за рулем могли пропустить по бутылочке безобидного легкого пива. Ветераны склада, покупавшие пиво на всех, стали немного «опаздывать», и большинство курьеров в пятницу спешили домой, не дождавшись “*complimentary drink*”, и основная часть ледяных бутылочек оставалась на складе.

Двор и здание экспортного сортировочного склада DHL. Sydney, 1999 год. Фото автора.

Самой команды не было, все продолжали работать, зорко наблюдая когда супервайзер и ветераны потащутся к «водопою». После этого мелкие сотрудники могли выловить бутылку-другую себе. Мы с Скоттом стояли к ванне ближе всех, и, изобразив поход в туалет, научились хитро ловить бутылки в ледяной воде, не привлекая особого внимания. «Джейсо-о-о-а-ан!» разнеслось под гулкими сводами, и худая, длинная фигура в рваных шортах, грязной форменной майке и стоптанных ботинках с металлическими носами прыжками направилась к заветной ванне. Джейсон, добрый парень с фантастической работоспособностью по погрузке тяжестей, выловил шесть скользких бутылок, и, завернув их в майку, привычными прыжками направился в дальний угол, где его поджидала маленькая компания ветеранов склада, которые занимались загрузкой огромных алюминиевых авиационных контейнеров, в которых перевозится весь груз на самолете.

“Now!” скомандовал Скотт, привычно поправив грязным пальцем очки на переносице, я распрянул постоянно ноющую в пояснице спину, и отправился в заветный угол, где постепенно собиралась складская молодежь. Мы деликатно открыли по бутылке и неспеша вернулись к своим местам, продолжая одной рукой сканировать пакеты. Главное было начать отлов пива сразу после убытия со склада многочисленных курьеров DHL на своих *вэнах*, после которых пива в ванне оставалось еще много.

1999 год: у государственного знамени в парламенте Австралии, Canberra. Фото автора.

Алкоголь в Австралии действует на голову совсем по-другому, и после третьей бутылочки легкого пива я ощутил приятное расслабление. Продолжая работать, мы с приятелем прикидывали осталось ли еще пиво на дне, потому что теперь процедура «лова» была несколько осложнена. Особо страждущим приходилось все снимать с себя, чтобы опустить голую руку по самое плечо и под плотным слоем льда шарить на дне ванны. Раздеваться мне не хотелось, и я продолжал монотонно сканировать мелкие посылки, когда неожиданно ко мне обратился один из рабочих-ветеранов – невысокий, немолодой австралиец, Питер, которого в России никто бы и никогда бы не принял за иностранца. (Прав был старина Карл Маркс, утверждая, что пролетариат во всем мире очень похож!) Общались мы мало, и добрый Питер, подозревая во мне безъязычного, как положено, «сырого» иммигранта, говорил громко и просто, подтверждая свою речь внушительными жестами. Подивившись моим знаниям языка, рабочий неожиданно пригласил меня в свой угол, где я заметил стоящего Джейсона с красно-кирпичной рожей и бутылкой дорогого местного пива «корона», обернутой золотистой фольгой.

Работа на «кэнах», как на сленге называли авиа-контейнеры, была очень тяжелой, продолжалась далеко за полночь, и на маленькие расслабления во время работы руководство смотрело сквозь пальцы. При моем приближении мужики загудели, и некоторые пробурчали что-то неодобрительное Питеру, но старый рабочий только хитро ухмылялся. Завернув за стопку деревянных палет, стоявших в полутемном дворе, Питер наклонился за сидение автопогрузчика и извлек металлическую фляжку, которую передал мне с заговорщицким видом: “*Drink!*”.

“*Russian vodka!*” хрипло хохотнул Питер, и по рожам зрителей я понял, что от меня требовалось выпить. Выпить я был совсем непрочь, однако, делать это во время смены я не собирался. Отступить было некуда, и я спокойно хлебнул из фляжки, абсолютно не опасаясь за себя в стране, где настоящую водку пьют редко, а употребление чистого спирта, желанного напитка на огромной территории Сибири и Дальнего Востока, считалось чистым самоубийством. Жидкость мне неожиданно понравилась, это был чистый домашний самогон с непривычным сладким ароматизатором. “*Good!*” сказал я, не моргнув глазом, и зрители удовлетворенно кивнули, потому что шоу не получилось, и “*crazy Russian*” пил, естественно, все, что горит. Питер отнял у меня фляжку, и я с сожалением почувствовал, что мне пора идти к своему конвейеру.

Погрузка контейнеров-«кэнов» в самолет DHL. По материалам Интернета.

Время приближалось к одиннадцати, и я уже было собирался домой, когда произошло неожиданное. Прибежал Джейсон, мужики озобоченно загудели, и в сопровождении супервайзера рванули в ночную тьму двора. Вездесущий Скотт тут же злорадно сообщил мне, что Джейсон, лихо завернув на повороте дороги за светофором, уронил контейнер с грузовика, который направлялся в аэропорт. Начальство побежало оценивать ущерб и спасать контейнер, но я неожиданно проявил себя в нужном направлении. То ли смесь пива с алкоголем в голове сработала, но я действовал быстро. В два прыжка я оказался на погрузчике, (лицензия у меня к тому времени уже была), и на максимально возможной скорости я выскочил на дорогу, ведущую в аэропорт. Движения в поздний час было мало, и только редкие такси обгоняли меня. Задача была проста – обогнуть длинное здание склада, и на повороте, возле офиса экспортного отдела, передать погрузчик в руки лихого Джейсона, который управлялся с ним гораздо быстрее меня. «Нет! По дороге нельзя!..» услышал я за спиной отчаянный голос супервайзера, но я уже был далеко, хотя мысленно полностью с ним согласился. Если бы случайная полицейская машина увидела мой рывок, компания имела бы очень большие неприятности. Погрузчик отчаянно жужжал на пределе своей скорости, и через несколько минут я, не ожидая зеленого света, свернул на темную улицу, где на дороге возле нашего плоского грузовика валялся большой алюминиевый контейнер.

“*Thanks, mate!*” раздалось откуда-то сзади и я едва успел спрыгнуть с сиденья, когда Джейсон, дыхнув на меня добрым самогонным перегаром, рванул погрузчик вперед. Я посчитал свою миссию спасения выполненной, и спокойно

отправился на склад к своему постылому конвейеру, где Скотт встретил меня ехидным взглядом и нагретой бутылочкой пива, вытащенной откуда-то из его бездонных, серых штанов...

Кстати, тот случай дошел до высокого начальства, и удобное всем позднее распитие на складе посреди смены было запрещено. Пивной праздник решили перенести на конец смены, но, поскольку народ начинал работать в разное время, решение было отложено до лучшего времени, и к августу 1999-го года о пиве на складе все только вспоминали и тихо матерились...

Как и любой опыт в жизни, мой первый, самый тяжелый период жизни в Австралии, был чрезвычайно ценен. Я по воле случая столкнулся с людьми, с которыми вряд ли бы встретился по своему желанию. Я выполнял работу, которую я вряд ли бы делал по своему выбору, и мой первый австралийский опыт навсегда остался со мной. Мне уже не надо объяснять психологию простых австралийцев, местного рабочего класса, людей, в общем, добрых и безобидных, с обостренным чувством социальной справедливости и своеобразной, наивной гордости за свою страну. Пожалуй, самое ценное, что мне удалось приобрести на сортировочном складе своей родной DHL, это - первые навыки местного английского языка «оззи» и полезное умение посылать всех куда подальше с использованием самых сильных оборотов английской речи.

Через шесть месяцев тяжелого складского труда я покинул DHL и отправился искать счастье в прикладной логистике, найдя себе должность таможенного декларанта на маленькой, частной брокерской фирме. Но это уже другая история.